

С. А. ЕРЕМЕЕВА

ОПАСНОЕ ДЕЛО ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО НЕКРОЛОГА В РОССИИ В 1928 ГОДУ

Ввод в состав Академии Наук академиков-коммунистов в 1928 г. способствовал контролю государства над Академией. На время академических выборов пришелся инцидент с академиком Жебелевым из-за его участия в вышедшем в Праге научном сборнике. В нормальном режиме функционирование науки обеспечивается двумя системами: внешней системой официальной иерархии и внутренней системой научного сообщества. Именно разрушение сообщества, структуры невидимой и плохо контролируемой, являлось целью этой акции власти. Только так можно было контролировать науку и добиться послушания ученых.

Ключевые слова: некролог, научное сообщество, коммуникативные практики.

В 1926 г. академик С.А. Жебелев отмечал 35-летие своей научной деятельности. В честь этого события в Ленинграде был составлен юбилейный сборник, в котором участвовало 57 ученых – связанных совместной работой, но к этому времени вовсе необязательно работающих в России (как, например, М. Ростовцев). И хотя напечатан сборник за неимением средств не был, рукопись публично вручили юбиляру на торжественном заседании в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). В 1927 г. в Праге вышел первый сборник «Seminarium Kondakovianum», который, помимо материалов покойного Н.П. Кондакова, содержал 22 статьи: 11 было написано советскими учеными и 11 учеными-эмигрантами. Жертвователями книг кондаковскому семинарию (список опубликован в сборнике) были, в основном, ученые из Советской России, а также официальные советские организации от ГАИМК до Эрмитажа и ГИМа. «Содействие в деле издания» сборника оказали МНП и МИД Чехословакии. Через год, в сентябре 1928 года, вышел второй сборник. И также поначалу казался изданием, представляющим интерес только для специалистов.

Претензии по поводу публикации С.А. Жебелева во втором пражском сборнике, предъявленные 16 и 18 ноября 1928 г. непременно секретарю Академии С.Ф. Ольденбургу, были подобны грому среди ясного неба. Ольденбург по делам академии встречался в Москве с Н.П. Горбуновым (управляющим делами СНК СССР, членом комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями – Ученого коми-

тета ЦИК СССР) и Е.П. Вороновым (начальником ОНУ – отдела научных учреждений при СНК СССР), и неожиданно встал вопрос об исключении Жебелева из АН и Академии материальной культуры в связи с его «антисоветскими высказываниями» в эмигрантском журнале.

Жена С.Ф. Ольденбурга фиксирует в своих записях: «Сергей очень горячо возражал <...>, говоря, что сначала надо разобраться в этом вопросе и затребовать объяснения самого Жебелева. <...> Горбунов сказал, <...> что первоначально должна быть беседа с Жебелевым, который должен дать исчерпывающие объяснения, и что эти объяснения должны быть напечатаны. Сообразно тому, какого рода будут объяснения Жебелева, так будет поступлено и в дальнейшем относительно его». Дальше разговор приобретает еще более неожиданный характер – оказывается, публикация – только повод поговорить о главном. «Горбунов сказал, что вообще об Академии наук вопрос стоит так: работники Академии наук <...> и не знают, какое давление идет на Отдел научных учреждений при /СНК/ СССР относительно Академии наук, которая живет своей отдельной обособленной жизнью, – что далее так продолжаться невозможно, что <...> Академия наук должна показать свое отношение к советской действительности, что и выльется в выборах. Если выборы покажут, что Академия наук не идет с советской общественностью, то тогда с нею будет поступлено, как она этого заслужила, – не советская Академия наук существовать не может...»¹.

С.Ф. Ольденбург, фактически взявший на себя ответственность за Академию в первое десятилетие советской власти, находился в те дни в Москве по делам близившихся академических выборов. Это был момент «обновления» научных структур, когда власть потребовала введения академиком-коммунистов в состав АН. Академия была не просто устроенной организацией, и прямые действия с позиции силы успеха не гарантировали. С учеными пытались договориться и сторговаться – разговор шел не о возможности и невозможности данного мероприятия, а об условиях его проведения. Искались разные пути и средства воздействия, разрабатывались тактические ходы и выявлялись уязвимые места. Работа подкомиссий, выдвигавших кандидатуры (и уже выдвинувших всех нужных) к моменту разговора закончилась, общее голосование должно было состояться позже: 5 декабря в отделении физико-математических наук, 12 декабря – в отделении гуманитарных наук; на 12 января было намечено общее собрание. В этом промежутке между выдвижением кандидатур и окончательным голосованием и разразился скандал.

¹ Цит. по: Тункина. 2000. С. 121.

История «дела академика Жебелева», случившаяся во время советизации АН, рассказывалась уже не раз. Открыл тему в постсоветские времена Ф. Перченко, определивший ее как «самый громкий урок» того времени. «Жебелев единственный из всех академиков входил во все три избирательные подкомиссии, где обсуждали кандидатуры Лукина, Деборина и Фриче <предназначенных властью стать академиками-коммунистами>, – и везде выступал против. Он нечаянно подставил себя под удар, поместив статью в пражском русском сборнике “Seminarium Kondakovianum”, где ленинградские авторы напечатались рядом с М.И. Ростовцевым и другими тогдашними эмигрантами: обычная тогдашняя практика. Сборник вышел в сентябре, и вначале на него не реагировали. А в середине ноября, как по команде, всюду начинается шумная кампания против Жебелева, которого требуют “отсечь” и “исключить”»². Версию о притягательности для репрессий фигуры Жебелева вследствие его членства в трех выборных комиссиях разделяет и И.В. Тункина: она называет случившееся «идеологической атакой на АН СССР»³ и считает, что именно это дело «ознаменовало начало “великого перелома” в Академии» и стало своего рода прологом «академического дела»⁴. Интерпретации этой истории продолжали появляться и позже. «В качестве дополнительного давления на академиков использовалось так называемое “дело” академика С.А. Жебелева, опубликовавшего в 1928 году некролог Я.И. Смирнову и подвергнувшегося резким нападкам за сотрудничество с эмигрантами»⁵. «Статья вызвала крайне резкую и, казалось бы, не совсем адекватную по своей остроте реакцию в советских инстанциях. В печати была развернута кампания против Жебелева, в различных учреждениях проводились собрания и принимались резолюции с требованием исключить его из Академии наук за “антисоветский поступок” и т.д.»⁶. Когда же «основная цель – запугивание академиков» была «достигнута, власти приостановили кампанию против Жебелева»⁷.

В чем же состоял «урок»? И почему «идеологическая атака» должна была не столько воспитать, сколько «запугать»? Действительно ли «резкие нападки за сотрудничество» были так страшны? Или «не совсем адекватная» реакция была просто реакцией на нечто другое?

² Перченко. 1991. С. 184.

³ Тункина. 2000. С. 119.

⁴ Там же. С. 116-117.

⁵ Колчинский. 2003. С. 589.

⁶ Каганович. 2006. С. 166.

⁷ Там же. С. 168.

Три истории одного события

Подробная реконструкция событий, выполненная И. Тункиной, основана на трех группах источников. Это средства массовой информации, документы АН и свидетельства непосредственных участников событий. Источники эти не противоречат друг другу, но по ним воссоздается три разных истории об одном и том же. При попытке сведения их в одну картина становится громоздкой и аморфной, поскольку эти истории развиваются в разных системах координат, у них разная темпоральность, разные акторы, разные контексты и языки. Они даже не связаны между собой причинно-следственными связями – то, что происходит в одной, маловажно для другой. Поэтому они мало сопоставимы, тем более – не сводимы в одну. Имеет смысл как раз попробовать отделить эти истории друг от друга, чтобы понять, где же шла эта атака, которая должна была обозначить пугающие перспективы.

Первая история – самая шумная быстрая: газетная. Она представляет социальный контекст происходящего. Главные действующие лица – СНР (профсоюзная организация) и ВАРНИТСО (общественная организация). СНР – секция научных работников в профсоюзе работников просвещения. Согласно Положению от 17 декабря 1924 г. СНР должна была прежде всего заниматься изучением условий труда и жизни научных работников и выработать меры к их улучшению, а также заниматься вопросами оплаты и трудовыми конфликтами. Наряду с этим СНР имела право участвовать в работе госорганов (когда это касалось научных дел), заниматься проблемами повышения научной квалификации и популяризацией научных знаний, т.е. вся эта история с публикацией в пражском издании, казалось бы, вовсе не входит в зону ее компетентности. ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству – была создана в 1928 г. Это не было профессиональным объединением: для вступления не требовался ни диплом, ни научные труды. Ее называли «приводным ремнем» между партией и интеллигенцией и пытались использовать как инструмент воздействия первой на вторую. Именно эти организации – профсоюзная и общественная – поставляют информацию в газеты.

21 ноября проходят экстренные заседания Бюро СНР в Москве и Ленинграде. С.А. Жебелева исключают из СНР. 22 ноября сообщения об этом, совпадающие дословно, появляются в двух ленинградских газетах («Ленинградская правда»⁸ и «Красная газета»⁹). Участие в пражском

⁸ Исключение акад. С.А. Жебелева... // Ленинградская правда. С. 5.

⁹ Исключение акад. С.А. Жебелева // Красная газета. С. 3.

сборнике квалифицируется как «антисоветский» поступок; выдвигаются первые аргументы обвинения (определение 1918 года Жебелевым как «лихолетья» и заявленная в статье словами «наш общий друг и соратник» солидарность с эмигрантом Ростовцевым); предлагаются санкции (вынести осуждение всей группе, принимавшей участие в сборнике, а Жебелева, чья статья «наносит явный вред СССР», исключить из числа членов секции; желательно еще на основании п. 22 устава АН исключить Жебелева и из Академии). В московских газетах ориентируются на ту же информацию, но в «Известиях»¹⁰, которые явно имеют непосредственный доступ к сборнику, находят новые пункты обвинения: из последних строк статьи Жебелева вычитывают недоброжелательное отношение к 10 годам советской власти и обнаруживают в сборнике новую крамолу – подписанный инициалами некролог Ф.И. Успенскому (академику, скончавшемуся в России в сентябре 1928 года), где упоминаются «тяжелые годы» первых лет советской власти. Публикация в «Правде»¹¹, не добавляя ни фактов, ни оценок, сопровождается мелкими ошибками, которые некогда проверять. Главный герой всех этих первых публикаций, пожалуй, не отрицательный, а положительный; не столько Жебелев (вынесенный в заголовки), и даже не все посмеившие участвовать в этом сборнике, сколько негодующие «круги СНР», принимающие меры.

На следующий день продолжается поиск эпизодов преступления. Обнаруживаются прежде незамеченные факты – оказывается, сборник издан на средства Министерства народного просвещения Чехии и графа В. Коковцова (бывшего царского министра). Подтверждаются претензии к Жебелеву – «Эта статья как бы дает тон всему сборнику»¹². Тема дня та же – «возмущение научной общественности». Всю черную работу по поиску компромата и вынесению оценок проделывает «возмущенная» масса в лице отдельных представителей, которые подыскивают определения происходящему и клянутся в верности советской власти. Новые доводы эксплицируют основные референтные для науки 1928 года группы: «как будем выглядеть в глазах трудящихся» (проф. Осипов) и «как будем выглядеть в глазах пролетарского студенчества» (проф. Сольдау). Другие члены СНР (Глушков и Орбели) пытаются переквалифицировать преступление и предпочитают слова «легкомысленность», «беспринципность», «политическое недомыслие», «печальный случай» – огромная разница с «антисоветским» и «контрреволюционным»¹³.

¹⁰ Клеветнические выступления некоторых ленинградских ученых... С. 4.

¹¹ Антисоветское выступление акад. Жебелева. С. 3.

¹² Научные работники – против Жебелева. 1928. С. 5.

¹³ О поступке академика С.А. Жебелева. С. 3.

В Москве 23 ноября неожиданно узнали, что 21 ноября у них тоже было внеочередное заседание московского бюро СНР¹⁴, на котором Луппол нашел дополнительные аргументы насчет клеветнического характера статьи Жебелева, инкриминировав автору строки о методе: «Метод работы Я.И. (Смирнова) в области археологии, – пишет ак. Жебелев – строгий историко-филологический метод, без каких-либо отклонений в сторону “искусствоведения”, “социологии” и т.п. модных течений». На этом отказе от социологии (Смирнов умер в 1918 г.) строятся новые обвинения. Уточняется Лупполом и особый статус Ростовцева – не просто эмигранта, а злобного клеветника на советскую науку: «В этой же статье Жебелев несколько раз упоминает о “нашем общем с С.Я. друге и соратнике” – М.И. Ростовцеве. Ростовцев, к сожалению, до сих пор еще числящийся почему-то действительным членом Академии Наук, – эмигрант, откровенно перешедший на сторону врагов СССР и работающий в Америке. Он принимал участие в последнем международном конгрессе в Осло, где утверждал, между прочим, что “истории в СССР нет. Она заменена там историческим материализмом”». В тот же день публикуются не содержащие новой информации заметки в «Правде», «Экономической жизни» и «Вечерней Москве». Именно московские издания настаивают на «сознательном политическом выступлении» участников сборника. На то, что Ростовцев до сих пор не исключен из Академии Наук, в одной из московских статей указали дважды (второй раз в компании с Н.Б. Струве), и это несколько меняло направление критики. Если в Ленинграде Жебелев представлялся фигурой, которая «чернит» светлый образ Академии Наук, то в Москве сама Академия выглядела сомнительной организацией. В ленинградских изданиях наиболее эмоциональные эпитеты направлены вовне – против эмигрантов («махровый представитель белой эмиграции», «густопсовыи эмигранты»); и хотя об антисоветском характере происшедшего там упоминается, тем не менее, всего лишь «осудили группу научных работников, совершивших политически бестактный и беспринципный научный поступок», «контрреволюционное» соседствует с «легкомысленным».

В Москве набор ключевых слов, задающих эмоциональный фон, жестче и относится непосредственно к работающим в СССР: «сознательное политическое выступление»; поступок, «направленный во вред интересам СССР» и «несовместимый с достоинством советского ученого»; «клеветническое», «антисоветское», «контрреволюционное» выступление; вызвавшее «глубокое возмущение».

¹⁴ Клеветнические выступления в эмигрантских изданиях... С. 4.

24 ноября наступил день покаяния и осуждения. «Ленинградская правда»¹⁵ сообщила о протесте, заявленном на пленуме секции просвещения Ленсовета артистом Е.Б. Вильбушевичем. Пленум «с негодованием отметил» и «единодушно присоединился». Собрание профактива Эрмитажа и Академии материальной культуры не только присоединилось к решению СНР, но и «с удовлетворением констатировало, что С.А. Жебелев не состоит больше вице-президентом Академии», а также «встретило с полным удовлетворением» покаянное письмо восьми профессоров, участвовавших в пресловутом сборнике¹⁶. Такое же собрание состоялось в институте им. Герцена¹⁷.

В историю вступает новая сила. В этот день состоялось расширенное заседание ЦБ ВАРНИТСО, 25 ноября об этом сообщает «Экономическая газета»¹⁸. Организация не только не академическая, но даже не профессиональная, ВАРНИТСО, может быть, в наибольшей степени репрезентировала общественное мнение в данном вопросе. Центральное бюро, которое «неоднократно указывало на нетерпимость положения, при котором ученые, занимая командные посты в наших учреждениях, ведут вполне определенную вредительскую работу против социалистического строительства», обсудив ситуацию в широком политическом контексте и отметив, что «такого рода выступления являются характерным моментом, указывающим на повышение в последнее время активности со стороны правой профессуры», предложило выход: «Середняк, советски настроенный и зачастую более квалифицированный, должен быть продвинут согласно целому ряду постановлений партийных и правительственных органов. Профессиональные и общественные организации должны проявить активность в проведении этих постановлений в жизнь». То есть понятно, что наукой нужно управлять и кто это должен делать. И понятно, откуда такой тон по отношению к Академии: «Академия Наук, претендующая на руководящую роль в нашей советской науке, должна...». Два дня спустя о заседании ВАРНИТСО сообщает «Правда»¹⁹, сократив в тексте «Экономической газеты» наиболее одиозный тезис о продвижении середняка, но своим официальным статусом легитимировав саму возможность претензий ВАРНИТСО к Академии Наук. При этом даже в самый разгар этой истории (22-25 ноября)

¹⁵ С негодованием осуждаем выступление Жебелева... С. 5.

¹⁶ Ученые о поступке академика С.А. Жебелева. С. 3.

¹⁷ Информацию о тех же событиях в Москве кратко транслировали «Известия» (Антивоветское выступление акад. Жебелева. С. 5.)

¹⁸ ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых... С. 5.

¹⁹ Протест ВАРНИТСО... С. 6.

центральные газеты (Ленинград – «Ленинградская правда», «Красная газета»; Москва – «Известия», «Правда») ни разу не выносили материалы на эту тему на первую или вторую полосу. Те, кого это касалось непосредственно, отыскивали небольшие заметки и на 3, 4, 5-й полосе.

Другая история разворачивалась в самой Академии Наук.

Едва успев вернуться из Москвы, 20 и 21 ноября С.Ф. Ольденбург трижды встречается с Жебелевым. «22 ноября Е.Г. Ольденбург записала разговор мужа с С.А. Жебелевым. Непременный секретарь откровенно объяснил коллеге, что выход для С.А. Жебелева был один: публично покаяться и отречься от М.И. Ростовцева, чтобы не подставить под удар Академию Наук и ГАИМК, и таким образом избежать исключения из числа действительных членов АН СССР»²⁰. 20 ноября был создан и подложный протокол, где Жебелев якобы сам просил избавить его от заведывания Библиотекой АН (потом этот опробованный метод предупреждающих действий будет использован еще раз: вдруг окажется, что Жебелев еще до всяких собраний просил освободить его от должности заместителя директора Академии материальной культуры).

Академия начинает действовать, контактируя непосредственно с начальством в Москве. Газетная активность академиков возмущает, но попытки опубликовать если не опровержение, то уточнение информации (которые пресса игнорирует) со стороны Академии не слишком активны. Президиум Академии Наук заседает 22 и 28 ноября и занимает весьма умеренную позицию по отношению к событию сборника вообще и покровительственную – по отношению к Жебелеву в частности. Еще 22 ноября Президиум АН выносит решение по инциденту: всем поставить на вид, Жебелева не наказывать²¹.

Жебелев чуть ли не каждый день пишет объяснительные письма, которые нигде не появляются. Первое покаянное письмо он приносит Ольденбургу уже 21 ноября – письмо Ольденбурга не устраивает (оно должно быть не таким, а каким – пока неясно). 22 ноября Жебелев пишет новое письмо – уже под диктовку Ольденбурга (подписано 20 числом). 23 ноября академик дает письменные объяснения по поводу очередных газетных обвинений, однако этот документ по-прежнему не выходит из стен Академии. 25 ноября Жебелев составляет ответ на обвинения Луначарского, накануне опубликованные в «Красной газете».

²⁰ Тункина. 1997. С. 103.

²¹ Крачковский, который как член Президиума должен был подписать этот документ, оказался в положении человека, который должен был сам себя высечь: решение осуждало поступок всех, участвовавших в сборнике, то есть и его также. По началу он отказывался подписывать протокол, но его уговорил Жебелев.

26 ноября утверждается окончательный вариант покаянного письма «наверх», поправленный Ольденбургом. Это письмо на следующий день на торжествах в честь 200-летия Академической типографии показывают секретарю Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе, и, с его благословения, 29 ноября текст появляется в «Правде».

Уже зная, что извинения приняты, 28 ноября Президиум АН СССР вновь заслушивает объяснения Жебелева и признает их удовлетворительными. Последнее слово, казалось, осталось за Президиумом, отстоявшим академика: «Считать, что участие советских ученых, а следовательно и сотрудников Академии Наук СССР, в каких-либо эмигрантских изданиях недопустимо, что и поставить на вид участникам сборника “Семинариум Кондоковичанум” из числа сотрудников Академии. Признать выступление академика С.А. Жебелева неправильным и поставить ему на вид недопустимость подобных действий. Ввиду одиннадцатилетней неутомимой работы академика С.А. Жебелева на пользу советского строительства и представленных им президиуму объяснений по настоящему делу, считать, что нет оснований для применения к нему ст. 22 Устава Академии Наук». Ободренный Жебелев тут же отправляет письмо с просьбой пересмотреть свое исключение из секции – заседание Бюро Ленинградской СНР происходило в тот же вечер. Но это – другая история, которой решения АН не указ, а о решении Москвы там пока не знают. СНР по-прежнему непримирима («Красная газета»²² 29 ноября печатает отчет об очередном собрании). Перечислив все оглашенные на заседании документы обвинения и оправдания: постановление правления ЛГУ, резолюцию профактива Академии Материальной Культуры, сообщение ВАРНИТСО о недопустимости пребывания С.А. Жебелева, П.Б. Струве и М. Ростовцева в рядах Академии Наук²³, а также заявление участников «Кондаковского семинария», СНР стала обсуждать основной вопрос: заявление Жебелева с просьбой пересмотреть решение секции о его исключении и с объяснением своего поступка. Бдительный профессор В.Н. Кораблев высказался первым и, чтобы не повторять уже сказанного, выдвинул новые обвинения: «Я внимательно ознакомился со сборником, и не вижу для нас основания менять свое однажды уже принятое решение. Акад. Жебелев человек, несомненно, искренний, последовательный и прямолинейный. Таким мы его все знаем, за исключением сегодняшнего заявления. В 1920 г. в “Русском историческом журнале”, он поместил также некролог памяти Б.А. Тураева. И в этом некрологе

²² Еще о поступке акад. С.А. Жебелева. С. 5.

²³ «По этому поводу акад. С.Ф. Ольденбург тут же сделал категорическое заявление, что П.Б. Струве и М. Ростовцев уже с 1920 г. не состоят в числе академиков».

акад. Жебелев писал: “Лишилась родина стойкого и преданного деятеля на ниве просвещения и распространения в обществе культурных знаний; исчез неутомимый, убежденный борец за интересы церкви православной, нет более прекрасной души, кристально-чистого человека...” и дальше он указывает, что одна из главных заслуг Тураева это его национально-патриотическая деятельность, что на том свете Б.А. Тураеву, как истинному христианину, уготована жизнь вечная, а также пишет о невозможных условиях работы в Советской России и т.д.»

Но в тот же день, когда появляется публикация в «Красной газете», «Правда»²⁴ печатает постановление президиума Академии Наук (с недвусмысленным указанием даты – 22 ноября) и объяснения академика Жебелева (где указывается, что первые письменные объяснения он начал давать 20 ноября), распространенные через РОСТА (т.е. через официальное агентство). На следующий день «Красная газета»²⁵ вынуждена также опубликовать это. Почти через месяц, 19 декабря, Жебелева восстанавливают в СНР без перерыва стажа. Казалось бы, громкое дело не кончилось ничем. Гора родила мышь. Академия отбилась.

Возможна реконструкция еще одной линии событий, менее заметной на поверхности социальной жизни, не представленной публично – той, что определяла поступки и оценки участников. Эта история, наиболее протяженная и мучительная, дискретно проявляется во времени.

По воспоминаниям близкого Жебелеву человека, «в жизни Сергея Александровича эти события сыграли немалую роль, и не только потому, что они отняли у него достаточное количество сил, духовных и физических, но и оттого, что он долго не мог установить, какие скрытые враждебные силы действовали в данном случае против него, и это его сильно волновало»²⁶. Вопрос «а что это было?» на прагматическом уровне не решался. Эта история не воспринималась изнутри ни как техническая, ни как досадный казус. Она была знаком чего-то большего, чем просто гнев неадекватной власти, и нашла отражение в дневниках, письмах, воспоминаниях – почему-то важно было зафиксировать свое отношение к произошедшему. Как определить этот уровень истории? Он человеческий, но не личностный. Это, скорее, уровень научного сообщества – оно и оказалось в результате развития событий наиболее уязвлено.

Важнейшими материалами для реконструкции здесь служат записи жены С.Ф. Ольденбурга Елены Григорьевны Ольденбург – человека максимально приближенного к процессу, но не включенного в него.

²⁴ Дело академика Жебелева. С. 4.

²⁵ Президиум Академии Наук об акад. С.А. Жебелеве. С. 3.

²⁶ Максимова. 1969. С. 88.

Она честно фиксирует реакции на происходящее – свои и Сергея Федоровича – и эти реакции часто не совпадают. Это можно объяснить тем, что они исходят из разной системы координат: Сергей Федорович, помимо всего прочего, хорошо чувствует наличие символической системы научного сообщества; Елена Григорьевна исходит из прагматического понимания Академии Наук как социального института.

Вся жебелевская история, с точки зрения Елены Григорьевны, выглядит довольно странно. И инициаторы ее – вовсе не власти. «Ненапечатанные материалы Я.И. Смирнова, как ему <Жебелеву> известно, находятся у И.А. Орбели (этим, по мнению Орбели, Жебелев набросил на него тень) <об этом упоминалось в пражском сборнике – С.Е.>, Орбели стал повсюду кричать о статье Жебелева, указывая на ее несоветский тон, толкуя неудачные выражения и т.д. Своими криками он обратил внимание на эту статью коммунистов Эрмитажа <...> и дело пошло». Елена Григорьевна не может понять, почему Орбели потом голосовал против исключения Жебелева из СНР. «Хорошо говорил за Жебелева и И.А. Орбели. Я понимаю его – в порыве своей такой несдержанной злобы <...> рассудок его молчит <...>, и он может слепо и гадко навредить человеку. Но когда этот шквал пройдет, чувство присущей ему доброты возьмет верх, заговорит и рассудок, – но часто дело бывает сильно испорчено прежними злобно-ненавистными порывами. Так, я думаю, было дело и здесь». С.Ф. Ольденбург видел происходящее в более широком контексте. «Теперь Марр гремит против Жебелева, и сегодня вечером его будут выставлять из секции научных работников. Сергей этого допустить не может, т.к. считает этот образ действия крайне вредным вообще для всей русской интеллигенции», – записывает Елена Григорьевна. «Сергей справедливо думает, что теперь выключение Жебелева из СНР повлечет за собою его дальнейшую травлю уже как члена Академии наук...». И даже после благополучного, казалось бы, завершения истории она констатирует: «Идет определенный поход против интеллигенции, вызванный отчасти и поведением самой интеллигенции, отчасти и трудным политическим моментом. Дело Жебелева еще не кончено»²⁷.

Внутри Академии наук согласия не было не только по поводу событий, связанных со сборником. В разгар жебелевской истории, 24 ноября, Елена Григорьевна записывает: «Сегодня от Воронова снова бумага – просят прислать копии с протоколов заседаний, на которых были выключены из числа академиков Ростовцев, Струве и др., а протоколов нет, потому что таких заседаний не было. Их просто перестали печатать

²⁷ Цит. по: Тункина. 2000. С. 121-124, 146.

в книжке в числе академиков. Не было заседаний, потому что внутри самой Академии по этому поводу не было достигнуто соглашения – если Сергей настаивал на заседании, то не встретил сочувствия»²⁸.

В.В. Бартольд предъявил претензии по поводу того, что решение по Жебелеву было принято Президиумом без созыва Общего собрания, и С.Ф. Ольденбург пытался втолковать ему, что самым важным в этой истории было быстро и решительно отвечать власти. Елена Григорьевна записывает: «это был... момент, когда каждое промедление могло вести за собой катастрофу. Затем Сергей еще добавил, что Бартольд так <...> далеко от академических дел, что не улавливает, как иногда дело спешно надо решать и брать на себя ответственность за принятое решение, что не всегда легко и очень неприятно. Но все же Сергей не убедил Бартольда, и он остался при своем»²⁹. Видимо, у Ольденбурга и Бартольда в данном случае не совпадают представления, где проходит граница между академией как социальным институтом и как научным сообществом.

Вернадский 25 ноября записывает в дневнике. «В Академии мат. культ. научн. сотрудники под предс. Орбели вынесли обвин. приговор Жебелеву и признали /решение/ секции научн. /работников/. О. уговорил это провести, говоря, что это поможет Жеб., т.к. иначе его будут считать главой контр/р/ев. гнезда, находящегося в Ак. мат. культ. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру. Что Орб. морочил? Неужели справедливы обвинения, кот. я слышал в Праге, что он присвоил матер. Я.И. Смирнова в связи с Сасанидским серебром? Жеб. упомянул в своей статье об этом неудачно – случайно или сознательно, двусмысленной фразой. Вначале высказывались догадки, что О. – инициатор скрытой травли Жеб. – мечь? Ж. мне сказал раньше, что О. спрашивал его, отчего он написал, что рукопись См. “по-видимому” у О., отчего он его раньше не спросил. Ж. ответил, что он не обязан спрашивать. Неужели эта догадка – правда? Но какое падение когда-то честных людей! Тут ясно, что это не сознательная мерзость, а грех. Понятие *греха* есть достижение, которое нельзя безнаказанно выбросить за борт»³⁰. Это какая-то другая история, о другом человеке (Орбели) и на другом языке. Что значит «понятие греха» для истории травли академиков советской властью? Понятие греха возвращает нас к этической системе научных отношений. Значит, можно было понимать дело и так. Что же все-таки тогда происходило?

²⁸ Там же. С. 134.

²⁹ Там же. С. 149.

³⁰ Вернадский. 2001. С. 118-119.

Живые и мертвые

В этой истории удивляет количество некрологов. Статья Жебелева – это некролог Смирнову. Внимательное изучение сборника дает еще один «подозрительный» текст – некролог Успенскому. Упоминается также статья Ростовцева, причем именно то место, где он говорит о памяти Смирнова. В поисках очередного компромата на Жебелева профессор Кораблев обращается к его давнему некрологу Тураеву. Словно мертвые мешают живым жить спокойно. Что такое некролог? Слово о мертвом. Слово перед лицом мертвых. Свидетельство для живых о памяти. Памяти, которая определяет ценностные координаты существования и является социальным действием: она соединяет тех, кто готов платить дань этой памяти. При этом некролог – академическая практика памяти, в конце XIX – начале XX века переживавшая свой расцвет.

Научное сообщество, выстраивающее идентичность своих членов вокруг традиции, определяемой преимущественно именами, чутко к практикам хранения и передачи памяти через поминание. Академические некрологи как практика не существуют одновременно и отдельно – они складываются в единый текст постоянного поминовения, свидетельствующего не о том, что мертвы мертвые, а о том, что живы живые. Эта работа непрерывная – она не локализуется в акте высказывания. Слова начинают составлять как бы особое пространство – между жизнью и смертью, между личным и общим. И пространство это – пребывает: то, что сказано, сказано навсегда, некролог нельзя дезавуировать.

Полный цикл поминовения в научной среде начала XX века выглядит так: *некролог в периодическом издании* (как правило, в специальном, с определенной аудиторией), по возможности, близко к дате смерти; *вечер памяти* (через полгода, год, пять, десять лет – максимально точно приближенный к дате смерти) – публичный (открытый для широкой публики) или в каком-либо из научных обществ, к которому имел отношение покойный; *сборник воспоминаний* об умершем.

Это единый процесс, последовательность этих действий не должна быть нарушена, каждое последующее действие как бы вбирает в себя предыдущие. Это – ритуал, и «ритуал оказывается единственно возможным способом перехода из одного состояния в другое. Он является не столько реакцией на событие, сколько самим событием»³¹. Понятно, что это действие социальное, и любое публичное высказывание – результат компромисса. С одной стороны, влияют внешние силы – не только, и, может быть, не столько властные давления или реальный

³¹ Байбурин. 1993. С. 120.

страх последствий, но и не всегда отрефлексированное, хотя императивное влияние сообщества (как я буду выглядеть в глазах референтной группы?). С другой стороны, существует внутренняя потребность достоинства и «сохранение лица». Конфигурация этих влияний может быть изменчива, но само их наличие постоянно.

Поскольку речь идет о научном сообществе, то некрологи оказываются способом разговора о его функционировании и о том предмете, вокруг которого оно организуется. Главными темами академического некролога конца XIX – начала XX в. становятся жизнь, смерть, наука – в присутствии автора и умершего. Степень проявленности и трактовка этих тем зависят и от социальных (внешних), и от личных (внутренних) причин, касающихся составителя некролога. Социальные перемены могут заставить проблематизировать саму легитимность и способы существования науки в обществе. Традицию легче всего заметить в момент разрушения (или хотя бы нарушения) – то, что представлялось естественным и потому не рефлексировалось, оказывается предметом не только осмысления, но и фиксации утраченной нормы (не сторонними наблюдателями-антропологами, а самими представителями традиции).

Сборник «*Seminarium Kondakovianum*», вышедший накануне 10-летия смерти Смирнова, был вполне традиционным «сборником памяти» – в нем были статьи или близких Смирнову людей, или на близкие Смирнову темы. Близость могла подчеркиваться, могла подразумеваться, но в результате как-то обозначалась та духовно-предметная научная среда, в которой существовал поминаемый. Однако по причинам внешнего характера в сборнике оказался и некролог, который в нормальной жизни должен был бы появиться в 1918 году.

С.А. Жебелев был опытным мастером некролога. К 1928 г. им было написано не менее 26 текстов подобного рода. Он хорошо понимал природу жанра – в его архиве сохранились поминальные тексты, которые некрологами не стали, поскольку не попадали в функцию и задачу (некрологи тем же людям были написаны отдельно). Некролог, хотя и пишется отдельным человеком (в Академии наук говорили «составляется»), но есть факт коллективного поминания – он должен быть обнародован. Скандал вокруг некролога в нормальной ситуации невозможен – в определенном смысле это значило бы обидеть, унижить память ушедшего человека и поставить под сомнение общие ценности сообщества.

Жебелев в своем ставшем скандальным некрологе поминает не только ушедшего Я.И. Смирнова, но и саму традицию поминания: «Когда я умру, ты узнаешь, кто я такой... Говоря так, Я.И., может быть, ду-

мал: никакими внешними знаками ученого отличия я не пользуюсь, степеней ученых не имею, медалей и премий за свои работы я не получал, даже рецензий на мои книги не писали; вот, когда я умру, напечатают, по обычаю, мой некролог, и из него узнают, кто я такой. Но и этого не случилось. Я.И. скончался 10-го октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье. Все мы были потрясены неожиданной смертью Я.И., но составлять некролог его не имело смысла, так как этот некролог негде было бы напечатать: существование Журнала Министерства Народного Просвещения, где обыкновенно печатались некрологи ученых, прекратилось; Русское Археологическое общество, членом которого Я.И. состоял с 1893 г., хотя и существовало, но уже не имело кредитов на издание своих “Записок”. Я.И. так и остался без некролога»³².

Словно желая проговорить все подробности уходящей традиции, Жебелев тут же, в некрологе, делает сноску: «Единственно, чем Общество могло почтить память одного из самых деятельных и энергичных своих членов, это – устроить 30 апреля 1919 г., в день ангела Я.И., “поминальное” заседание. Оно происходило в Музее Древностей Университета и в нем читаны были четыре доклада – характеристики Я.И. Когда истекло пятилетие со дня смерти Я.И., было устроено заседание в Академии Истории Материальной Культуры: в этом заседании читаны были пять докладов на разнообразные темы, отчасти соприкасающиеся с кругом научных интересов Я.И.». Сборник памяти появляется вполне традиционно спустя 10 лет. «Seminarium Kondakovianum посвящает памяти Я.И. очередной выпуск своего сборника – благое дело, за которое глубоко признательны членам семинария все те, кому дорога память Я.И. Лучшего места, чтобы почтить ее, нельзя придумать: Я.И. – “ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П. Кондакова”, как его охарактеризовал наш общий друг и соратник М.И. Ростовцев /.../ Помянуть Я.И. выпадает на мою долю. Попробую, как умею, набросать общий облик деятельности Я.И., как я понимаю ее, пользуясь его учеными трудами, а еще более воспоминаниями о нем. Постараюсь остаться при этом на почве не субъективных переживаний, а объективных данных, доставляемых деятельностью Я.И. в ее совокупности»³³.

Функционирование науки в нормальном режиме обеспечивается двумя системами: внешней системой официальной иерархии (вершина ее – Академия Наук) и внутренней системой научного сообщества. Ор-

³² Жебелев. 1928. С. 1-2. Вообще-то с 1917 года Я.И. Смирнов был академиком, но «Известия АН» Жебелевым почему-то не рассматриваются как возможный вариант размещения некролога.

³³ Жебелев. 1928. С. 2.

ганизация внешней системы подвергается кодификации, зависит от времени и места, всегда может быть описана и существует, скорее, как некий социальный механизм. Сообщество же существует по неписанным законам, явственно ощущаемым каждым его членом. И это – законы органической жизни. Традиция, спланирующая сообщество, меняется крайне медленно (она призвана не допустить разрывов, иначе организм умирает). Почитание умерших – цементирующая структура, связанная с организацией памяти и идентичности. Поскольку выражается она в конце XIX – начале XX в. прежде всего через некрологи, то и дезавуирование этой традиции идет через нападение на эти некрологи.

Пытаясь прибрать науку к рукам, советская власть разными способами работала с Академией Наук – уговорами, угрозами, распределением привилегий – так можно было советизировать механизм и сделать его легко управляемым. Но существовала внутренняя структура, не выраженная материально, следовательно, через материальное воздействовать на нее было сложно. С.Ф. Ольденбург и Академия в этом случае не одно и то же, что доказало выдвижение кандидатов в подкомиссиях, происходившее с большим трудом. Чтобы быть уверенным, нужно было этот непредсказуемый в своих реакциях организм убить и заменить другим – предсказуемым. Уничтожить идентичность ученого и создать идентичность научного работника (члена соответствующего профсоюза). На место невидимого сообщества поставить научную общественность. Это другая система ценностей и другая система координат.

И атака в результате идет не на Жебелева, а на персонифицированную им традицию. Поэтому интерес вызывают именно некрологи (вскоре всплывет и еще один, связанный с «Семинариум Кондоковинум» – некролог «княгине Тенишевой, основательнице музея в Смоленске»; даже самый бдительный глаз не смог найти в этом некрологе ничего предосудительного, кроме того, что здесь «на каждом шагу упоминается “императорский археологический институт”»³⁴, но сам факт некролога, то есть поминания, поставлен в вину).

Внутри этой некодифицированной системы координат, с точки зрения научного сообщества, обвинение в некрологе, обвинение перед лицом мертвых – это гораздо серьезнее, чем статья в «Правде». И то, что Орбели пришел в ярость, понятно. Это была информация не для «научной общественности», это была информация для своих – о моральном падении. Собственно, ставился вопрос о принадлежности Орбели к этому самому научному сообществу.

³⁴ *Луттол.* 1928. С. 19.

С этой точки зрения становится понятна реакция международного сообщества. Финский профессор А.М. Тальгрэн, обеспокоенный дошедшими слухами, обратился с письмом в Главнауку Наркомпроса, и, не получив ответа, напечатал письмо в финской газете. С искренним или почти искренним недоумением он писал: «...Я прочел снова этот некролог и не понимаю, каким образом эта хорошая, прочувствованная статья могла вызвать те преследования, которым подвергся проф. Жебелев». На письмо Тальгрэна, тоже через печать (24 января в «Известиях», спустя больше месяца), отвечают Ольденбург и Жебелев – это смесь демагогии, лжи и хамства (Жебелев, в частности, сообщает, что «широкая общественность горячо откликнулась на происшедшее, потребовав объяснений у нас», заканчивая письмо выражением открытого недовольства вмешательством во внутренние дела русской науки: «Нам остается надеяться на то, что вы признаете свою ошибку»). А Тальгрэн пишет Ольденбургу в частном письме по-русски: «Многоуважаемый академик, благодарю Вас за Ваше письмо. Я был обрадован известием о том, что С.А. Жебелев продолжает работать в Академии. Последствия его статьи, помещенной в “Seminarium Kondakovianum” – поскольку они касались его лично – вызвали среди заграничных ученых очень тяжелое впечатление, вследствие чего я позволил себе выразить его в моем открытом письме. <...> Наука международна и реагирует»³⁵.

С тем, что произошло, оказалось много внутренне несогласных. Вернадский замечал в «неподцензурных» письмах к сыну больше чем полгода спустя – 26 июля 1929 года: «В это время подвернулось дело Жебелева и началась травля против него. В этой травле некоторые ученые (псих. Осипов) вели себя недостойно – и сам Ж. не сумел сохранить свое достоинство»³⁶. Реакция уехавших русских ученых была еще более определенной. Им было совершенно понятно, что происходит. М.И. Ростовцев, вопреки своей воле назойливо присутствовавший в истории с пражской публикацией Жебелева, обсуждал происходящее со своими корреспондентами. 24 февраля 1929 года в письме к Тальгрэну он замечает: «Глубоко жалко мне Сергей Александровича. Лжет человек, не переставая, и все знают, что лжет, но все же заставляют его лгать – просто для собственного удовольствия. Для Ольденбурга лгать естественно. Он всю жизнь только это и делал»³⁷. 29 февраля 1929 года он пишет своему другу (также находящемуся вне России) А.А. Васильеву: «Раньше для большевиков гимны Академии были сладки: они ожидали

³⁵ Тункина. 2000. С. 151-152, 156-157.

³⁶ Пять вольных писем В.И. Вернадского сыну. 1989. С. 435.

³⁷ Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрэну. 1997. С. 513.

иного, и им было бы нелегко заставить Академию петь гимны. Теперь они знают, что *чего бы они ни потребовали, отказа не будет*³⁸. 14 апреля 1929 года он отправляет очередное письмо Тальгрену: «Жалкая картина полного разложения людей когда-то честных, прямых и хороших ученых»³⁹. Именно в 1929 г., через 10 лет после отъезда из России, Ростовцев принял американское гражданство, навсегда, таким образом, прощаясь с Россией. И с российским научным сообществом, которого больше практически не существовало. Возвращаться стало некуда.

Памяти научного сообщества

У истории были метастазы – кто-то еще каялся, кого-то еще осуждали, кто-то отказывался от предполагавшихся прежде проектов сотрудничества и т.д. Подвела итог статья в «Правде» Д. Заславского под названием «Влюбленные антропосы»⁴⁰. Что послужило автору поводом для выступления? «Выпад “либеральной” германской газеты “Фоссише цайтунг”, претендующей на особую культурность, объективность, а также на знакомство с советскими делами. Газета кратко, в двадцати строках, излагает фактическую сторону инцидента, приделывает заголовков “Русская свобода науки” и хвостик “Комментарии излишни”. Действительно, кратко. Но в то же время замечательно подло».

Автор предлагает свой комментарий с точки зрения «общественной стороны вопроса». Он формулируется так: «почему, собственно, потянуло наших ученых в сторону Праги, и были ли у них основания тянуться в ту сторону?». Далее дается развернутый ответ, основанный на том, что возможности заниматься научной работой и печатать свои труды во времена советской власти велики как никогда. Между делом добавляются сомнения в нужности оторванной от жизни науки, которая представлена как раз Академией; заодно укоряется Академия за то, что она не захотела по-настоящему наказать провинившегося. А в обращении советских ученых к пражскому семинарию усматриваются проблемы далеко не научные. «И если они все же косятся в сторону Праги, в сторону эмигрантских ученых, то не потому, что в Советском Союзе тесно для их науки. Тянут в сторону политические симпатии и страстишка, неискоренимая в людях, которые были при старом строе привилегированными антропосами, статскими и действительными статскими советниками, получали за ученость звезды и ордена, а теперь, в советских условиях, должны были превратиться просто в ученых, с рас-

³⁸ Цит. по: *Бонгард-Левин, Тункина*. 1997. С. 270.

³⁹ Цит. по: *Тункина*. 2000. С. 159.

⁴⁰ *Заславский*. 1928. С. 4.

ценкой талантов не по усердию и усидчивости, а по подлинному научному дарованию и подлинной научной подготовке».

Автор улавливает здесь нечто важное, но для него неочевидное, и потому не формулируемое. Но он чувствует, что наука, которая была до революции и которую представляет сборник «Семинариум Кондоковичанум» как совместную деятельность российских ученых вне зависимости от места жительства и политических убеждений, устроена как-то по-другому, нежели проект науки, желательный советским властям. Тезис о «привилегированных антропосах» против «просто ученых» не работает, но он не бессмыслен. Видимо, речь о чем-то другом.

С невероятной оперативностью статьи, связанной с уже казалось бы оконченной историей Жебелева, появились в декабрьских номерах журналов: «Об отношении советских ученых к ученым эмиграции» И.К. Луппола в «Научном работнике»⁴¹ и «Лиховетье старой науки: о “жебелевщине”» Д.Заславского в «Революции и культуре»⁴².

Журналы отличаются от газет более выявленной целевой аудиторией. Поэтому размещение материалов в определенном журнале является указателем на адресата: научные работники и – шире – интеллигенция вообще. Будучи членом редколлегии журнала «Революция и культура», Луппол предпочитает напечатать свою статью в другом журнале, точно ориентированном на научных работников, а в «Революции и культуре» со статьей на ту же тему печатается профессиональный журналист. В данном случае вопрос профессиональной принадлежности авторов тесно связан с возможностью увидеть и оценить происходящее. Луппол – ученый, т.е. он существует в этой среде и интуитивно понимает, как она устроена. Но он не просто ученый, а ответственный секретарь ЦБ СНР, один из первых выпускников Института красной профессуры (имевший при этом полноценное дореволюционное университетское юридическое образование), активно делающий карьеру на пропаганде марксистского подхода в гуманитарных науках. Для него возможен взгляд на происшедшее изнутри, но анализировать он предпочитает внешний фактор: в центре его внимания – возможность обнародовать труды в советской России и за границей. Он признает необходимость зарубежных публикаций, но не потому, что наука едина, а чтобы «окончательно разбить все басни о нашем варварстве» (т.е. причина не внутринаучная, а внешнеполитическая). Эмигранты – особая история: «мы думаем, что сотрудничество с иностранными учеными – одно дело, а сотрудничество с учеными-

⁴¹ Луппол. 1928. С. 13-22.

⁴² Заславский. 1928 (2). С. 20-27.

эмигрантами – дело другое, ибо остается их непримиримая ненависть к СССР и та гнуснейшая работа, которая ими там проводится». «Сотрудничать в эмигрантских изданиях – значит заниматься пособничеством вредительству в деле всего нашего ученого строительства» (появление понятия «ученое строительство» показательно).

Сборник, в поисках компромата, Лупполом вновь внимательно прочитан, но нового набралось только кое-что по мелочам: старая орфография, «ориентация на старый стиль», некролог княгине Тенишевой... А вот анализ оглавления приводит к раздумьям: нужна ли нам вообще такая наука? Занимающаяся то духовными проблемами, то древностями... «Тенденция этого сборника отвратительна, но гвоздем его является уже цитированная статья, принадлежащая перу акад. Жебелева. Окажется, лучшего места для того, чтобы почтить память проф. Смирнова, чем Прага – придумать нельзя. Если Прага – лучшее место для почитания памяти ученого, это говорит не в пользу его. Если Прага – лучшее место для почитания памяти Я.И. Смирнова, по мнению Жебелева, то это говорит не в пользу последнего». Если все это так, чувствует Луппол, то с единой русской наукой все как-то неладно – получается, что центр ее, вроде бы, как и здесь, но душа-то – там. Ну и тогда, понятно, «говорить о лихолетье, говорить о том, что Прага является лучшим местом для того, чтобы почтить память русского ученого, о том, что социологический подход – это модное увлечение, брать его в кавычки, – это значит, на наш взгляд, приносить вред советской науке».

В отличие от Луппола, который понимает наличие и фактического, и символического уровня происходящего, публицист Д. Заславский (автор «Влюбленного антропоса», который печатается теперь в «Революции и культуре») оказывается в некотором затруднении. Чутьем идеологического противника он улавливает уязвимые (с другой точки зрения, опасные) моменты, но, пытаясь объяснить их, неизбежно банализирует.

Давид Заславский – настоящий журналист с большим дореволюционным стажем, несколько раз круто менявший политическую ориентацию. Из бунда его исключили за сотрудничество с денкинской печатью, большевики же оказались менее разборчивыми, хотя в 1917 г. Ленин трижды в печати отвечал этому «клеветнику и негодяю», разоблачавшему лидера большевиков как «немецкого шпиона». Заславский покался и занялся историей революционного рабочего движения. К 1928 году он стал членом редколлегии «Правды» (и затем обеспечивал текстами огромные компании против интеллигенции).

Журнал «Революция и культура», судя по тому, как представляет его аудиторию Заславский, ориентирован на «новую» интеллигенцию:

вряд ли люди с дореволюционным, хотя бы гимназическим, образованием могли всерьез воспринимать такой набор образов: «те цветочки толстовско-деляновской науки, которые остались в Советском Союзе, примирились с революционной обстановкой, даже приняли ее, по своему лояльны, но не могут утерпеть, чтобы время от времени не бросить взгляд в сторону новых Афин <имеется в виду Прага – С.Е.>, вздохнуть скорбно, а то и прослезиться... Поистине бедные Лизы нашей академической науки!». Сборника автор внимательно не читал, да ему и не надо (это привилегия Луппола): «Где-то в научных кругах сборник со статьями советских ученых теперь изучается, и может быть дополнительные раскопки дадут новый материал. Но для суждения об общественной стороне события, вызвавшего шум, достаточно и тех отрывочных данных, какие проникли в печать». Его статья – дайджест, здесь повторены все аргументы обвинения, разбросанные по разным изданиям. Но большая площадь публикации для собранных немногочисленных фактов дает возможность проявиться тем ассоциативным рядам, которые они вызывают в представлениях автора. «Где-то между ветхозаветной Троицей и воскресением Христовым затесалась уж чисто политическая статья академика Жебелева. Под видом некролога археологу Смирнову академик Жебелев сочинил слезницу, в которой оплакал положение ученых при советской власти». Это важная констатация, что речь идет об ученых (и о науке) вообще в современной России.

Заславский даже пытается как-то обозначить этих «ученых вообще»: «Называя и Ростовцева своим другом, Жебелев в особую заслугу всему **научному содружеству** <выделено мною – С.Е.> поставил то...» – он уловил наличие этой невидимой структуры, но затем свел смысл ее существования лишь к политическим выступлениям против советской власти. «Статья Жебелева ярко осветила весь парад 15 ученых перед пражскими белогвардейцами. Она дала ему лозунг и знамя». Не проходит он и мимо некрологов – они оказываются местом демонстрации убеждений. «Как указывал проф. Кораблев на собрании ленинградской секции ученых, Жебелев приблизительно так же характеризовал в свое время покойного проф. Тураева. Это было в 1920 г. За восемь лет академик Жебелев своих взглядов не изменил. В науке он тот же, каким был и до революции». Что здесь подразумевается под «взглядами» и «позицией в науке»? Очевидно, что речь идет не о непосредственной профессиональной деятельности... Однако важнее всего то, что Жебелев всегда подразумевается не один. Это не его личное выступление, это не его личная позиция. И выступать против того, что обозначено словом «содружество» приходится также организованно. «Ложь академика Жебе-

лева и политическая бестактность прочих его друзей не могла держаться ни одной минуты. Они были дискредитированы морально. Они ничего не могли противопоставить негодованию широких кругов советской научной общественности, не давшей кучке безответственных во Христе ученых сорвать налаженные, временем и общей работой укрепленные связи советской науки со всей пролетарской растущей культурой).

Названы обе стороны конфликта: «научное содружество» и «научная общественность» – вторая отличается от первой, помимо всего прочего, и тем, что она видима и, следовательно, управляема.

Коварство Жебелева и иже с ним – разоблачено. Только автор старую науку связывает не с этическими законами функционирования, а – по смежности – с церковью. «Нет, академик Жебелев и прочие 14 ученых очень хорошо знали, какого рода научные фрукты произрастают в Праге. Академик Жебелев очень хорошо понимал, что такое наука Ростовцева и Смирнова <эмигрант Ростовцев и умерший в Петрограде 1918 года Смирнов здесь в одном ряду – как представители одного типа науки – С.Е.> без “социологии”. Его потому и потянуло в Прагу, в родной по духу “Семинарий”, что там вся наука не по новой, а по старой моде, по моде времен очаковских и покоренья Крыма. Там, в среде старосветских академиков и профессоров, сохранился дорогой сердцу аромат науки, связанной с церковью, со старыми национал-патриотическими идеалами. Однако академик Жебелев и его “соратники” по советскому “научному” богословию боязливы и осторожны. При первом же окрике научной общественности они шарахнулись в кусты и оттуда клянутся в верности Советскому Союзу. Ах, могли ли они думать, что в Праге они встретятся с коварными антисоветскими учеными!...»

Прогноз однозначен. «Для таких ученых <для ученых старой формации? Тех, которые определяют свою принадлежность к научному сообществу не только через профессию, но и через этику? – С.Е.> лихолетье начинается только теперь, когда не угрожает им голод, когда квартиры их освещены и отапливаются, когда из типографий непрерывно выходят новые и новые книги. Эти ученые не испытывали лихолетья десять лет назад, когда они владели полной и исключительной монополией на свою науку. Они недоедали – это правда, но зато пользовались неприкосновенностью в области своего знания. Запершись в своих ученых кабинетах, цитаделях научной реакции, они успешно оборонялись от “социологии” и других “модных теорий”. Их почтительно обходили стороной. За лояльность в политике им отдавали в полное распоряжение их науку. Было несколько суеверное отношение к этой науке со стороны борющихся пролетарских масс. Для этого рода науки действительно

приходит лихолетье, – именно теперь приходит, в наши дни. Оно приходит вместе с появлением нового ученого поколения, выросшего совсем в иных научных условиях. Оно приходит вместе с проникновением в Академию Наук историков, владеющих единственно научным методом исследования – методом марксистским. Конец многолетней монополии!». Вообще-то Заславский обещает как раз начало монополии – методологической и идеологической. Тут он увлекся нарисованными им самим перспективами «расколдования» науки, которая становится доступной каждому, регулирующейся простыми правилами, очищенной от этических и, следовательно, межчеловеческих отношений. Вероятно, это должно было автоматически увеличить ее эвристический потенциал.

В этом – главный посыл и сигнал научному сообществу. Оно больше не должно и не может существовать согласно своим принципам. Вся эта история с «Семинарием Кондоковичанум» оборачивается обвинением не Жебелеву, не тем, кто принимал участие в сборнике, и не Академии Наук. Она оказывается атакой на научное сообщество – ту невидимую структуру, которая определяет, в частности, параметры этически возможного и невозможного для своих членов. Не прошло и месяца, как на общем собрании 15 декабря было оглашено Постановление Президиума АН от 7 июня (!) 1928 года по вопросу о лицах из ученого состава АН, утративших связь с Академией ввиду выезда за границу. Теперь соглашения не достигали – его назначали.

Время поминать

Научное сообщество пронизано сложными нелинейными связями, обеспечивающими ему устойчивость существования при изменении социальных условий; и если те, кто задействован в официальных иерархиях, не в силах поддержать его жизнеспособность, то сопротивление уничтожению (или, как минимум, попытка достойной смерти) происходит совсем на других уровнях. Свидетельство этому – книга А.И. Хоментовской об итальянских эпитафиях, написанная именно в те годы, когда происходило разрушение научного сообщества в России. Исследуя этос и пафос эпохи Возрождения, Хоментовская писала об эпитафиях: «В каждом отдельном случае каждое отдельное признание и мнение как будто только субъективно-эмоциональны; в вековом и коллективном накоплении, в хоре голосов те же признания представляют движущее и объективное одушевление как имманентную силу движения, его фермент. В этом смысле эпитафии, быть может, незаменимы»⁴³. Подобное можно сказать и о некрологах, зафиксировавших этос и пафос своего

⁴³ Хоментовская. 1995. С. 93.

времени. Книга об эпитафиях писалась в 20-е годы и была закончена в саратовской ссылке в 1935-36 гг. Высоко оцененная С.А. Жебелевым, книга не могла быть напечатана хотя бы потому, что автор был к тому времени уже в лагере. Издано исследование было лишь в 1995 г. усилиями Б.С. Кагановича (исследователя жизни С.Ф. Ольденбурга).

Спустя 12 лет появилась статья об этой книге А.Х. Горфункеля с символическим названием «Трагический гуманизм: “Итальянская гуманистическая эпитафия” А.И. Хоментовской»⁴⁴. Для Горфункеля очевидна неслучайность времени и места рождения книги. «Главной проблемой последних лет жизни А.И. Хоментовской была первоначально задуманная большая работа, названная: “Как умирали люди Возрождения”. Она должна была быть рассмотрена на материале трактатов, биографий, надгробных речей, завещаний, памятников, и, наконец, эпитафий. Однако для завершения темы было необходимо привлечение итальянских архивов и библиотек. Поэтому именно к последнему кругу источников – надгробных надписей – она в конце концов и была сведена, получив окончательное наименование – “Итальянская гуманистическая эпитафия”. Но при этом первоначально широкая постановка вопроса отразилась на более глубоком понимании эпиграфических данных, позволивших вписать это исследование в общую историю ренессансной культуры. Между тем, созданное в эти годы и посвященное полностью “западным” сюжетам, исследование гуманистической эпитафии получает очень важное “русское” освещение. Об этом говорит и предпосланный ему великолепный эпиграф – знаменитая фраза Ивана Карамазова: “Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними – в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более”»⁴⁵. Этот широкий «русский» контекст Горфункель прослеживает на протяжении всей книги: «Не только эпиграф из “Братьев Карамазовых” Ф.М. Достоевского, но и открывающая последнюю главу книги цитата из неоконченной повести Н.В. Гоголя “Рим”, с ним перекликающаяся, связывает это научное исследование с глубокими пластами русской культуры»⁴⁶.

⁴⁴ Горфункель. 2007. С. 108-136.

⁴⁵ Там же. С. 116-117.

⁴⁶ Там же. С. 135.

Горфункель отмечает не только современность и своевременность темы и проблематики книги Хоментовской, но и точный выбор источников исследования в этом контексте. «Эпитафия подводит итог и определяет смысл и значение человеческой жизни. Вместе с тем она отражает культурную обстановку своего времени; в ней мы находим наиболее ярко выраженные тенденции своей эпохи. При всей своей связи с предыдущей традицией (в данном случае – с эпитафиями Средневековья и – через Возрождение классической древности – с античностью) она усваивает то в этой традиции, что более всего подходит к современному гуманистическому миросозерцанию»⁴⁷. Этот источник уникален в определенном отношении. «Разумеется, многие черты гуманистического мировоззрения мы превосходно знали бы и из других, хорошо известных историкам культуры источников: из поэзии и хроник, из произведений философов, из диалогов и дневников; но то, что могло бы показаться риторическим преувеличением, в эпитафии выглядит совершенно иначе. Здесь вроде бы та же риторика, да не та: она проверяется предстоянием смерти. Человек оказывается у последней черты, и все прежде сказанное им и пережитое проходит окончательную решительную проверку. Здесь не место кривить душой. “Отраженное в ее зеркале, – пишет А.И. Хоментовская о гуманистической эпитафии, – все претерпевает сдвиг: религия, философия, мораль, политика, наука и литература”»⁴⁸.

Традиция поминовения в запечатленном слове связана с интеллектуальной элитой: «ученых людей Средневековья – в какой-то мере предшественников будущих гуманистов – клириков и, позднее, профессоров возникших европейских университетов»⁴⁹. И смысл эпитафии – больше чем привычный жест. «...Это стремление к тому, чтобы имя и память запечатлелись в будущем, может вызвать отчужденную реакцию последующих поколений. Но “мы никогда не поймем прошедшего, если будем применять к нему мерилу “разумного” наших дней, тем более, что и самая наша современность не выдержала бы этой мерки <...>. Слишком много нас окружает и сейчас на каждом шагу неразумного и нелепого, достойного нового издания “Похвалы Глупости”, – так сдержанно, но в то же время сурово и непримиримо откликается А.И. Хоментовская на окружающую ее ситуацию 1930-х годов»⁵⁰.

Излагая и интерпретируя содержание книги, Горфункель делает более явными подтексты, востребованные сегодняшней социальной си-

⁴⁷ Там же. С. 117.

⁴⁸ Там же. С. 134.

⁴⁹ Там же. С. 118.

⁵⁰ Там же. С. 120.

туацией и состоянием науки. Для этого достаточно простого выделения цитат, привлечения внимания к «вневременным» мыслям автора, для которого это исследование явилось делом жизни – книга оборачивается памятником не только исследователю Возрождения, но и человеческой личности. «Но эпитафия, как бы высоко она не поднимала ученые занятия гуманистов (даже по отношению к государственному строю и католической церкви) далека от похвального слова; прежде всего она оставляет человека на “самом роковом из испытаний, подавленным скорбью”». Именно в этой, самой трагичной ситуации, она имеет дело с главными проблемами морали. Размышления о жизни и смерти, о смысле жизни и о посмертной судьбе человека ставят составителя надгробной надписи (кто бы он ни был, сам ли умерший или кто-то из близких ему людей) перед необходимыми проблемами человеческого существования»⁵¹.

Экзистенциальный смысл как бы утверждается мыслями о книге самой Хоментовской незадолго до смерти: «Работа до сих пор не вышла из моего письменного стола... Тем не менее я утешаю себя мыслью, что общечеловеческая значимость темы поможет работе выдержать искус такого долгого ожидания публикации. После ужасов современности наступит же опять для людей пора размышлений и раздумья»⁵².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антисоветское выступление акад. Жебелева // Известия. 1928. 24 ноября. №273. С.5.
 Антисоветское выступление акад. Жебелева // Правда. 1928. 22 ноября, №271. С. 3.
Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: «Наука», 1993. 240 с.
Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М. И.Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетний дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман, М.: РОССПЭН, 1997. С. 259-286.
 ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых в эмигрантской прессе // Экономическая газета. 1928. 25 ноября. С. 5.
Вернадский В.И. Дневники: 1926-1934. М.: Наука, 2001. 456 с.
Вернадский В.И. Пять вольных писем В.И.Вернадского сыну: (Русская наука в 1929) / Публ. К.К. [Г.Г.Суперфина] // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. Paris, 1989. С. 424-450.
Горфункель А.Х. Трагический гуманизм: «Итальянская гуманистическая эпитафия» А.И. Хоментовской // Средние века. М., 2007. Вып.68 (4). С. 108-136.
 Дело академика Жебелева // Правда. 1928. 29 ноября. №277. С. 4.
 Еще о поступке акад. С.А.Жебелева // Красная газета. 29 ноября. № 329. С. 5.
Жебелев С. Яков Иванович Смирнов. *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова. Вып. 2. Прага, 1928. С. 1-16.

⁵¹ Там же. С. 126.

⁵² Там же. С. 136.

- Заславский Д. Влюбленные антропосы // Правда. 1928. 11 декабря. № 287. (1)
- Заславский Д. Лихолетье старой науки: о “жебелевщине” // Революция и культура. 1928. № 23-24. С. 20-27. (2)
- Исключение акад. С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 22 ноября, № 322. С. 3.
- Исключение акад. С.А. Жебелева из членов секции научных работников // Ленинградская правда. 1928. 22 ноября, № 271. С. 5.
- Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 252 с.
- Клеветнические выступления в эмигрантских изданиях несовместимы с званием советского ученого. Московские и ленинградские ученые требуют исключения Жебелева из числа членов Академии Наук СССР // Известия. 1928. 23 ноября, № 272. С. 4.
- Клеветнические выступления некоторых ленинградских ученых в эмигрантском издании // Известия. 1928. 22 ноября, № 271. С. 4.
- Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928-1932) // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 577-669.
- Луцпол И.К. Об отношении советских ученых к научной эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 13-22.
- Максимова М. Из воспоминаний о С.А. Жебелеве // Советская археология. 1969. № 3. С. 86-90.
- Научные работники – против Жебелева. Академику Жебелеву – не место в Академии Наук // Ленинградская правда. 1928. 23 ноября, № 272. С. 5.
- О поступке академика С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 23 ноября, № 323. С. 3.
- Перченко Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс. Феникс. Atheneum, 1991. С. 163-235.
- Президиум Академии Наук об акад. С.А. Жебелеве // Красная газета. 30 ноября. № 330. С. 3.
- Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрону / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман, М.: РОССПЭН, 1997. С. 501-515.
- Протест ВАРНИТСО против выступлений некоторых ученых в эмигрантской прессе // Правда. 1928. 27 ноября. № 275. С. 6.
- С негодованием осуждаем выступление Жебелева. Постановление секции просвещения Ленсовета // Ленинградская правда. 1928. 24 ноября. № 273. С. 5.
- Тункина И.В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и миф. Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. Санкт-Петербург: Алетейя. 2000. С. 116-161.
- Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Общ. ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина, М.: РОССПЭН, 1997. С. 84-123.
- Ученые о поступке академика С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 24 ноября. № 324. С. 3.
- Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб., Изд-во С-Пб. Унта, 1995. 272 с.

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета искусств РГГУ; u5020@yandex.ru